

М.А. Полякова

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Данная тема становится особенно актуальной в эпоху радикальных изменений экономики и социальной структуры России. В статье рассматривается содержание понятий «памятник старины» и «культурное наследие», история формирования комплексного подхода к их изучению. В начале XX в. произошло усиление интереса к феноменам «культуры повседневности», к изучению архитектурно-исторической среды российских городов методами различных дисциплин.

Ключевые слова: диапазон понятия «памятники старины», классификации памятников, археологический метод, архитектурно-историческая среда, междисциплинарность, комплексный подход.

Значение национального культурного наследия всегда осознавалось просвещенной частью российского общества. Особую актуальность эта проблема приобретала во время острых социальных конфликтов, при изменениях политического строя, радикальных преобразованиях экономики и социальной структуры. Одним из таких сложнейших периодов является современная («постсоветская») эпоха. В такой кризисной ситуации особое значение приобретают научно-методические разработки в сфере изучения, классификации и охраны памятников старины.

В настоящее время вполне сформировался лексикон базовых понятий данного научного направления, опирающийся на историко-культурную традицию. Рассмотрение этого лексикона в исторической динамике имеет принципиальное значение, влияя на действенность законодательства в этой важной сфере социальной деятельности.

За каждым новым термином (или старым, но наполненным другим семантическим содержанием) стоит изменение историко-культурной парадигмы, формирование новых методов и концепций исследования. По словам Ю.А. Асояна, «появление термина часто производит стимулирующее, творческое, а то и прямо революционизирующее мысль воздействие»¹.

Использование современной наукой понятия «культурное наследие» стало результатом многолетних исторических изысканий, разви-

М.А. Полякова

тия археологии и архитектурной критики. Исследования культурного наследия в дореволюционной России прошли путь от элементарной фиксации материальных объектов («памятников старины») в XVIII в. до археологических и искусствоведческих методов исследования рубежа XIX–XX вв.

В изучении памятников старины важнейшую роль сыграла деятельность историков XVIII в. – В.Н. Татищева и Г.Ф. Миллера, способствовавшая активному накоплению информации о памятниках. В свою «Инструкцию...» геодезистам, работавшим в самых разных уголках Российской империи, В.Н. Татищев включил 198 вопросов; один из разделов этой инструкции носил название «О подземностях» и был посвящен выявлению памятников археологии («курганных вещей»). Привлекали внимание ученого и древние сооружения, особенно христианские храмы, различные крепости².

Деятельность Г.Ф. Миллера в советской историографии долго оценивалась однозначно негативно, так как он считался основателем пресловутой «норманнской» теории происхождения древнерусского государства. На самом деле Миллер был глубоким и разносторонним ученым, который в 30-е гг. XVIII в. в ходе 2-й Камчатской экспедиции собрал коллекцию уникальных исторических документов, предметов важного этнографического и археологического значения; некоторые из них дополнили фонды Кунсткамеры. Чтобы собрать сведения для своего описания старинных городов Подмосковья и Сибири, Миллер разослал городским чиновникам анкету с вопросами об истории строительства слобод, сел и деревень, численности населения, а также наличия «исторических достопамятностей» (курганов, валов, крепостей, пещер и пр.)³.

Таким образом, в XVIII в. материальные объекты привлекали внимание ученых как свидетельства далекого прошлого России. Среди «памятников старины» их привлекали прежде всего легко атрибутируемые предметы – монеты, черепки с надписями, каменные бабы, что обяснялось уровнем знаний и методов того времени.

Середина XIX – начало XX в. – важнейший этап в изучении культурного наследия, становления археологии как науки о древностях. В это время понятие «памятник старины» (или «памятник древности») значительно расширилось: теперь в состав этих памятников вошли не только античные раритеты, монеты и «курганные вещи», но и монастыри, храмы, церковная утварь, уникальные документы, старопечатные книги, рукописи. В этот период начал формироваться основной метод изучения культурного наследия России – археологический, который базировался на доскональном исследовании его объектов как исторических источников. Главным критерием оценки памятников старины, в том числе и архитектурных, стала их связь с определенными историческими событиями; знаменательно, что Н.М. Карамзин называл Московский Кремль исключительно «местом великих исторических воспоминаний»⁴.

Важную роль в совершенствовании методики изучения российской старины сыграла деятельность Ивана Петровича Сахарова (1807–1863); в августе 2007 г. исполнилось двести лет со дня его рождения.

Подходы к изучению культурного наследия России в XVIII – начале XX в.

Несмотря на огромный список научных работ этого известного этнографа, фольклориста и палеографа, в отечественной историографии было принято давать довольно сдержанную оценку И.П. Сахарову как ученому. Археографы упрекают его в вольном обращении с источниками, историки и археологи отмечают слабую результативность многих его начинаний⁵. В настоящее время многие негативные оценки его деятельности вызывают сомнения. Необходимо учитывать, что И.П. Сахаров был человеком своего времени, и его мировоззрение, методика исследований вполне соответствовали научной парадигме эпохи.

В то время исследования славянских памятников архитектуры (в качестве особой области знания) находились в зачаточном состоянии. На первый план выступало накопление информации о них, и в этом отношении заслуги И.П. Сахарова трудно переоценить. Неслучайно в одном из изданий конца XIX в. ученый был назван «палеологом», чем подчеркивалась широта его интересов по изучению российской старины⁶. Можно согласиться с Г.И. Вздорновым в том, что страсть Сахарова к накоплению фактов нередко заслоняла их исследование, и вся его деятельность «представляется прежде всего как неустанная работа собирателя, классификатора и издателя»⁷. Во многих случаях этот ученый был первооткрывателем новых фактов, и его работы, как всякий первый опыт, не могли быть свободны от просчетов и недостатков.

И.П. Сахаров был дилетантом, не получившим специального гуманитарного образования. Он родился 29 августа 1807 г. в г. Туле в семье священнослужителя. В 1830 г. он окончил тульскую семинарию и поступил в Московский университет на медицинский факультет, затем служил врачом Почтового департамента Министерства внутренних дел; в Петербург он переехал в феврале 1836 г. Но всё же подлинные интересы Сахарова относились к области истории: он занимался фольклором, описывал «памятники старины» Центральной России. Собранный им за короткий срок огромный материал стал основой его этнографических и археографических трудов. Часть его ранних работ была посвящена памятникам старины Тульской губернии⁸. В Русском биографическом словаре А.А. Половцова о Сахарове говорилось: «Целый ряд его изданий поразил всех обилием и новостью материала, множество собранных им данных было так неожиданно велико и по большей части для многих так ново, так кстати, при постоянных толках о народности, что о нем повсюду заговорили»⁹.

В 1837 г., по представлению М.П. Погодина, И.П. Сахаров был избран членом Общества истории и древностей, в 1847 г. – членом Географического общества, в 1848 г. – Русского археологического общества.

Мировоззрение И.П. Сахарова соответствовало идеологической формуле «православие – самодержавие – народность», которая утвердилась в эпоху правления Николая I среди славянофилов крайне правого (националистического) толка. Идеализируя и безгранично восхваляя русский народ, он резко выступал против западного влияния на культуру России. Сахаров писал в своих воспоминаниях: «Благодарю Бога, что над моею головою не работала ни одна французская тварь. Гор-

М.А. Полякова

жусь, что вокруг меня не было ни одного немецкого бродяги... Меня не морочили они лучшим вкусом к изящному, понятиями о высоком и прекрасном, существующим будто исключительно в Германии и Франции»¹⁰. Кроме того, в глазах русских либералов этот ученый запятнал себя такой апологией власти: «Император скорее всех сознал вековую мысль, что для Русской империи нужны Русские начала, вернее всех разгадал грядущую нужду Русского народа»¹¹.

Подобные взгляды И.П. Сахарова вызвали благосклонное внимание правительства, что способствовало активной публикации фундаментальных трудов ученого, а в 1841 г. И.П. Сахаров был награжден бриллиантовым перстнем и орденом Станислава 3-ей степени. В ходатайстве князя А.Н. Голицына о его награждении подчеркивалось, что предметом всех изысканий ученого были три основные идеи: «Русский человек, Русская земля, Русские памятники»¹².

Заметную роль в разработке методики изучения русских древностей сыграла работа И.П. Сахарова в должности секретаря Отделения русских и славянских древностей Русского археологического общества. На одном из заседаний Отделения в 1851 г. ученым была представлена для обсуждения «Записка для обозрения русских древностей»; по сути, это была программа выявления, фиксации и изучения памятников старины Российской империи¹³. Она была горячо поддержана слушателями, после чего «Записка» Сахарова была опубликована высоким для того времени тиражом в 20 000 экземпляров и разослана во все губернии России.

В этом документе впервые был намечен весьма широкий круг «памятников старины», в основном расположенных в сельской местности: к ним относились монастыри, церкви, урочища, городища, курганы, кладбища, «побоища» (места битв и сражений), земляные валы, развалины, «камни» (каменные бабы), клады и тайники, пещеры, памятники ваiania и резьбы. Кроме того, в число памятников, подлежащих изучению, были включены не только иконы и церковная утварь, но и библиотеки. В «Записке» были упомянуты и памятники городского зодчества (крепости, остроги, дворцы и терема, старинные деревянные дома), а также металлические изделия (доспехи, оружие), народная одежда, музыкальные инструменты. С современной точки зрения, этому документу явно не хватало четкости и системности, но автор стремился максимально расширить диапазон понятия «памятники старины». «Записка» И.П. Сахарова, несомненно, способствовала дальнейшему углубленному изучению этих памятников, их научной классификации. В этом документе содержались и важные методические указания: И.П. Сахаров предложил относить к «старине» те памятники, возраст которых ограничен концом XVII в.; рекомендовалось давать подробное описание внешнего облика, интерьеров, кладки стен и фундамента, конструктивных особенностей зданий. Документ предписывал включать в характеристику памятников старины народные предания о них, воспроизводить сохранившиеся на них надписи очень точно – «буква в букву», отмечая характер письма. Для подтверждения исторической достоверности све-

Подходы к изучению культурного наследия России в XVIII – начале XX в.

дений о памятниках старины И.П. Сахаров предлагал использовать различные письменные источники – монастырские и церковные книги, межевые записи, писцовые книги.

Программа описания памятников старины, изложенная в «Записке», была обращена к «просвещенным соотечественникам»; к их числу Сахаров относил сельских священников, настоятелей монастырей, помещиков, преподавателей гимназий, семинарий и уездных училищ. Полученные от них сведения ученый и его сотрудники надеялись объединить в Археологический атлас Российской империи. Однако вся эта грандиозная программа в то время не могла быть реализована: наивно было надеяться, что «просвещенные соотечественники» из самых дальних уголков страны смогут представить в Русское археологическое общество подробные, исторически достоверные сведения обо всех памятниках старины, перечисленных в «Записке». Судя по всему, И.П. Сахаров и сам понимал это, так как на заседании Отделения русской и славянской археологии 29 марта 1851 г. он подчеркнул, что «все известия, сообщенные нам от иногородних корреспондентов, будут только материалами для будущих исследований, запасом сведений о России...»¹⁴.

Тем не менее благодаря программе И.П. Сахарова активизировалась публикация сведений об отдельных памятниках старины в региональных изданиях – в трудах исторических и археологических обществ, ученых архивных комиссий разных губерний. В изданиях Русского археологического общества появилась целая серия статей и заметок о старейших иконах и уникальных иконостасах российских храмов¹⁵. Тем самым «Записка» способствовала развитию таких дисциплин, как церковная археология, история искусства, нумизматика и др.

С середины 50-х годов деятельность И.П. Сахарова начала заметно ослабевать из-за его тяжелой болезни, и в августе 1863 г. он умер в своем новгородском имении Заречье¹⁶.

Основные методические положения «Записки» в дальнейшем были уточнены и конкретизированы другими учеными. Так, И.Е. Забелин в своей речи, посвященной памяти графа А.С. Уварова, подчеркнул, что «каждый памятник, как бы он не был мал и незначителен, есть продукт весьма сложных познаний, и потому, чтобы всесторонне изучить и объяснить его, он требует самых сложных исследований именно при помощи различных других наук и знаний, кроме археологических в собственном смысле»¹⁷.

Можно также утверждать, что «Записка» И.П. Сахарова сыграла важную роль в разработке типологии и дальнейшей классификации памятников старины. В «Проекте мер охранения памятников старины» (1869) Московского археологического общества были выделены следующие типы памятников: памятники архитектуры (деревянные и каменные здания, валы, городища и курганы); памятники письменности (рукописи и старопечатные книги); памятники живописи (иконы, стенопись); памятники ваяния и резьбы; изделия из золота, серебра, меди и железа¹⁸.

И.Е. Забелин предложил другую типологию памятников старины: «Монументальные памятники, здания, разного рода сооружения, начи-

М.А. Полякова

ная от курганов и городищ, также памятники вещные (всякая вещь), или же памятники слова устного и письменного, памятники угасшей народной мысли, угасших народных представлений и верований»¹⁹.

В своем фундаментальном труде В.С. Иконников выделил две основные категории памятников – прямые и косвенные. К первому типу он отнес все произведения письменности и изобразительного искусства, созданные с целью отметить, описать или представить какое-либо событие. Косвенные памятники – это те, которые создавались для воплощения какого-либо идеала или удовлетворения практической потребности; в них «нет прямых изображений общественной жизни, но есть более или менее косвенные указания и намеки на нее»²⁰.

Во второй половине XIX в. научный лексикон пополнился понятием «памятник архитектуры», что было связано с развитием этого направления исследований, возможностью сравнивать российские и западноевропейские образцы различных сооружений.

Изучение памятников архитектуры того времени происходило в обстановке оживленной дискуссии вокруг проблемы самобытности русского средневекового зодчества. В качестве важнейшего критерия оценки таких памятников был выбран эстетический принцип. И.Е. Забелин подчеркивал, что недостаточно описать памятник и поставить дату его строительства: необходимо понять, как в данном сооружении проявились «художественные силы народа», «эстетическая стихия его духа» (другими словами – раскрыть, в чем человек находил красоту, отчего он приходил в эстетический восторг)²¹. Таким образом, оценка памятников зодчества подразумевала эмоциональное их восприятие, а также представление о том, насколько в пластике сооружений (вместе с окружающим ландшафтом) проявляются характерные черты культуры народа.

Данный *художественный* метод изучения памятников старины дополнил метод *археологический*, что заложило основу формирования будущего *комплексного* подхода к их изучению. В научных исследованиях, периодической печати всё чаще стал появляться термин «памятники искусства и старины», соответствующий этому художественно-археологическому методу. Теперь при эстетическом изучении икон, фресковой живописи, церковной утвари исследователи занимались также их датировкой, оценивая «типичность», «образцовость» этих памятников для культуры определенной эпохи.

Важнейшей особенностью изучения памятников искусства и старины с конца XIX в. стало расширение хронологических границ изучаемых объектов – вплоть до построек XVIII, XIX и даже XX в. Так, в 1907 г. при Обществе архитекторов-художников была создана «Комиссия борьбы против разрушения архитектурных памятников XVIII–XIX вв.»; одной из ее задач стала документальная фиксация старых деревянных построек, предназначавшихся к сносу.

Художественные критики начала XX в. выступали за сохранение Петербурга как целостного архитектурного памятника. Г.К. Лукомский писал о «вандализме современных архитекторов», которые «идут напролом», совершенно не учитывая сложившейся среды города, его

Подходы к изучению культурного наследия России в XVIII – начале XX в.

«ансамблевости». Он подчеркивал неповторимость облика Петербурга, его уникальных построек (и цветовой гаммы фасадов), прямых и широких улиц, набережных и мостов с их чугунными решетками, – причем всё это строго соответствует определенной исторической эпохе.

Специалистами по охране архитектурных памятников особая роль отводилась оформлению окружающей территории, в котором, по их убеждению, не должно быть никаких «случайных элементов». Г.К. Лукомский писал: «Нельзя к классическим большим линиям набережных Невы приклеивать живописную церковку в память погибших моряков в стиле владимирских храмов»²².

В «Правилах» *Комиссии Московского археологического общества* подчеркивалось, что под памятниками «следует разуметь не только целые здания, но и разные уголки старой Москвы, живописные дворы, художественно исполненное окно, карниз, мебель»²³. Знаменательно, что в этот период появляется и такой критерий оценки памятников старины, как «бытовой». В Уставе *Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины* отмечалось: «Общество имеет целью защищать памятники искусства и старины, имеющие художественное, бытовое и историческое значение...»²⁴.

Внимание к рядовой застройке города, к истории «культуры повседневности» послужило основой формирования уникальных учреждений культуры начала XX в. – музеев «Старой Москвы» и «Старого Петербурга». Для пополнения фондов первого из них началось обследование Москвы «по улицам из дома в дом», причем регистрировались и описывались все здания, построенные до середины XIX в.²⁵ В формировании коллекции музея важную роль играл также поиск вещей, характеризующих бытовую культуру москвичей; были собраны мебельные гарнитуры, ковры, экипажи, вывески, одежда, билеты, квитанции, меню ресторанов и т. п. По словам архитектора И.Е. Бондаренко (одного из организаторов музея), все эти мелочи, безделушки «дают неуловимый аромат быту – всё это не должно быть забыто, а нужно достичь того, чтобы войдя в помещение, посетитель переносился бы в эпоху прежней старой Москвы»²⁶.

Уникальные территории, объекты природы также были введены в круг изучаемых объектов, что отразилось в документах и научных трудах начала XX в. В замечаниях Комиссии Государственной думы на проект закона об охране памятников старины (Положение 1911 г.) подчеркивалось, что охранять необходимо не только плоды рук человеческих, но и «памятники естественные» – замечательные в историческом отношении места, пейзажи, скалы, сады и рожи. При этом Комиссия ссылалась на опыт Германии²⁷.

Сохранился интересный документ, отразивший эту тенденцию. В 1916 г. в Императорскую Археологическую комиссию обратилось *Новгородское общество любителей древности*; поводом послужило предполагаемое строительство железнодорожного моста недалеко от церкви Спаса на Нередице. «Если этому проекту осуждено осуществиться, – подчеркивалось в обращении, – то русская земля лишится

М.А. Полякова

одного из самых замечательных исторических видов, с которыми могут сравниться только виды с набережной Невы на Зимний дворец, Петропавловскую крепость и Биржу, виды из Замоскворечья на Москву-реку с Кремлем и храмом Василия Блаженного, на Днепр от памятника святому Владимиру в Киеве, т. е. *такие исключительные по своей цельности сочетания природы и культуры, которые характеризуют собой целые эпохи в истории, надлежит оберегать, как самые дорогие национальные памятники*» (курсив мой. – М. П.)²⁸. В начале XX в. в круг изучаемых и охраняемых памятников были включены усадьбы как комплексные, ансамблевые объекты, включающие не только дом и его коллекции, но и парк с его системой беседок, прудов и пр.

С этого времени «архитектурно-историческая среда города» изучалась как целостный самостоятельный памятник, причем это понятие включало поведенческие мотивы и способы жизнедеятельности горожан; такое отношение считалось основой хранения традиций, культурной идентичности народа.

Формирование лексикона в этой сфере неотделимо от разработки методики изучения культурного наследия, которая совершенствовалась в течение нескольких веков. Для XVIII – первой половины XIX в. характерной фигурой исследователя был историк, который рассматривал «памятники старины» как важнейший дополнительный источник, позволяющий значительно обогатить и детализировать информацию, полученную из вербальных исторических источников (письменных и устных). К числу таких исследователей можно отнести В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, Н.М. Карамзина.

Во второй четверти XIX в. понятие «памятник старины» обогатилось славянскими раритетами и характерной фигурой стал «палеолог», для мировоззрения которого было характерно славянофильство. В этом кругу заметное место занимали И.Е. Забелин и И.П. Сахаров.

В конце XIX – начале XX в. изучением «памятников искусства и старины» стали активно заниматься архитекторы, искусствоведы, художники. Проблемы сохранности отдельных сооружений и всей архитектурно-исторической среды были предметом оживленных дискуссий на заседаниях научных обществ, конференций и съездов, на страницах периодических изданий.

Особенностью большинства современных исследований в этой сфере научных знаний является их междисциплинарность, системный подход к изучению памятников, причем в широком историческом или природном контексте. Появился ряд работ, подготовленных на стыке культурологии, географии и регионалистики. Их понятийное пространство обогатилось такими терминами, как «культурное наследие», «культурный ландшафт». Они используются в законодательстве последних лет не только Российской Федерации, но и ЮНЕСКО²⁹.

- 1 Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков. М., 2001. С. 22.
- 2 О роли В.Н. Татищева подробнее см.: Очерки русской культуры XVIII века. Ч. III. М., 1988. С. 131–137.
- 3 Каменский А.Б. «...Сей город за центр всего государства почесть можно...». Герард Фридрих Миллер. 1705–1783 // Краеведы Москвы. Ч. 1. М., 1991. С. 32–44.
- 4 Московский летописец: Сборник. Вып. 1. М., 1988. С. 67.
- 5 Перечень трудов И.П. Сахарова см. в работе: Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 1. Кн. 1. Киев, 1891. С. 342–343. Оценка деятельности ученого представлена в Русском биографическом словаре А.А. Половцова (Т. 18. СПб., 1904. С. 211–216). См. также: Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 55–56, 128; Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002. С. 177.
- 6 Русские палеологи сороковых годов // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. XVI. № 2. С. 264.
- 7 Вздорнов Г.И. Указ соч. С. 55.
- 8 См., напр.: Сахаров И.П. Достопамятности Венева монастыря. М., 1831; История общественного образования Тульской губернии. Ч. 1. М., 1832; Памятники Тульской губернии. СПб., 1851; Достопамятности города Тулы и его губернии. Ч. 1. Тула, 1914.
- 9 Русский биографический словарь А.А. Половцова. С. 212.
- 10 Для биографии Ивана Петровича Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. С. 906.
- 11 Там же. С. 915.
- 12 Там же. С. 921.
- 13 Сахаров И.П. Записка для обозрения русских древностей. М., 1851.
- 14 Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. Т. 1. СПб., 1851. С. 13.
- 15 Перечень статей см.: Вздорнов Г.И. Указ соч. С. 306–307.
- 16 И.П. Сахаров. Некролог // Месяцеслов на 1865 год. СПб., 1865.
- 17 Забелин И.Е. Об общественном значении ученых трудов графа А.С. Уварова // Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1885. С. 17.
- 18 Охрана культурного наследия России XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. 1. М., 2000. С. 136.
- 19 Забелин И.Е. История и Древности Москвы // Опыты изучения русских древностей и истории (исследования, описания и критические статьи Ив. Забелина). Ч. II. М., 1873. С. 107–108.
- 20 Иконников В.С. Опыт русской историографии... Т. 1. Кн. 1. С. 143–144.
- 21 Забелин И.Е. История и Древности Москвы... С. 67.
- 22 Лукомский Г.К. Новый Петербург: Мысли о современном строительстве // Аполлон. 1913. № 2. С. 29. См. также: Маковский С.К. О старых решетках и новых вандалах // Старые годы. 1909. № 1. С. 36; Хроника провинциального вандализма // Там же. № 7–9. С. 204–206; № 10. С. 65–67; № 11. С. 50–52.

М.А. Полякова

- 23 *Фролов А.И.* Хранители Московской старины. Алексей и Прасковья Уваровы. М., 2003. С. 281–282.
- 24 Цит. по кн.: Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002. С. 350.
- 25 Обзор фонда музея «Старая Москва». М., 1991. С. 6–7.
- 26 ОПИ ГИМ. Ф.134. Д.183. Л. 57–57 об.
- 27 Охрана культурного наследия... С. 317.
- 28 Цит. по кн.: Памятники архитектуры в дореволюционной России... С. 336.
- 29 См., напр.: Международное право и охрана культурного наследия. Документы, библиография. Афины, 1997. С. 86; Охрана и использование памятников культуры: Сборник нормативных актов и положений. М., 2004. С. 165.